

Научная статья
УДК 340

Учредительная власть в контексте формирования и защиты внутреннего правового суверенитета Российской Федерации

Людмила Анатольевна Подосинникова, кандидат юридических наук

Российский университет адвокатуры и нотариата им. Г. Б. Мирзоева
Москва (105120, Малый Полуярославский пер., д.3/5, стр. 1), Российская Федерация
lapodosinnikova@gmail.com
<https://orcid.org/0009-0008-3984-0919>

Аннотация:

Введение. Проблема формирования внутреннего суверенитета в настоящий период имеет огромное значение для укрепления российской государственности и взаимодействия с учредительным характером государственной власти. В данной статье дана интерпретация учредительной власти в контексте формирования и защиты внутреннего правового суверенитета. Существующие взгляды на данную научную проблему не имеют достаточного объяснения. Особенно это касается теоретико-правового обоснования учредительной власти, т. е. конституционной власти, которое диктует свой понятийно-смысловой дискурс. В юриспруденции данное понимание учредительной власти в контексте формирования и защиты внутреннего и внешнего правового суверенитета в Российской Федерации имеет свои особенности и практическую актуальность и должно быть наполнено собственным смысловым содержанием. Учредительная власть, с одной стороны, отграничивается от иных форм власти в государстве, а с другой – содержится в контексте конституционно-правового развития государства как факт инициации процесса конституционализации политической жизни общества. Особенно важно, что в рамках анализа российского внутреннего правового суверенитета это противостояние позволяет глубже понять роль учредительной власти в формировании и изменении Конституции.

Методы. В ходе исследования использовались материалистически-диалектический метод научного познания, логический, герменевтический, формально-догматический.

Результаты. В статье выявлена связь между учредительной властью и внутренним правовым суверенитетом, проистекающая из акта учреждения государства, поскольку в нем проявляется суверенное правовое действие народа, а также его суверенная воля, направленная на создание основ будущего государственного строя. Учредительный акт приобретает правогенерирующий характер, поскольку в нем воплощается суверенная воля народа, создающая базовые правовые нормы, которые являются фундаментом для всей системы законодательства и национального права. Это позволяет констатировать, что в действиях учредительной власти отчетливо проявляется правовой суверенитет как феномен социальной жизни. Автором сделан вывод о роли закона в процессе формирования правовой системы и правопорядка. Последний призван гармонизировать общественные отношения, гарантировать соблюдение прав и свобод человека и гражданина, отражать идею справедливости.

Ключевые слова:

учредительная власть, правовой суверенитет, российская государственность, право, правовая система, акт реализации

Для цитирования:

Подосинникова Л. А. Учредительная власть в контексте формирования и защиты внутреннего правового суверенитета Российской Федерации // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 3 (107). С. 44–51.

Статья поступила в редакцию 19.06.2025;
одобрена после рецензирования 28.08.2025;
принята к публикации 25.09.2025.

Original article

Founding power in the context of shaping and safeguarding the internal legal sovereignty of the Russian Federation

Lyudmila A. Podosinnikova, Cand. Sci. (Jurid.)

Gasar Mirzoev Russian University of Lawyers and Notaries
3/5, build. 1, Maly Poluyaroslavsky lane, Moscow, 105120, Russian Federation
lapodosinnikova@gmail.com
<https://orcid.org/0009-0008-3984-0919>

© Подосинникова Л. А., 2025

Abstract:

Introduction. The issue of establishing internal sovereignty in the current period holds significant importance for enhancing Russian statehood and engaging with the founding character of state authority. This article offers an interpretation of founding power within the framework of forming and protecting internal legal sovereignty. Existing perspectives on this scholarly problem lack adequate explanation, particularly regarding the theoretical and legal rationale for founding power, i.e., constitutional power, which defines its own conceptual and semantic discourse. In legal scholarship, this conception of founding power in relation to the formation and protection of internal and external legal sovereignty in the Russian Federation possesses distinct features and practical relevance, requiring its own semantic content. On one hand, founding power is differentiated from other forms of authority within the state; on the other hand, it is embedded in the context of the constitutional and legal development of the state as an initiating factor in the constitutionalisation of the political life of society. Importantly, within the analysis of Russian internal legal sovereignty, this opposition facilitates a deeper understanding of the role of founding power in shaping and amending the Constitution.

Methods. The research employed materialistic-dialectical, logical, hermeneutical, and formal-dogmatic methods of scientific inquiry.

Results. The article uncovers the link between founding power and internal legal sovereignty, originating from the act of state establishment, wherein the sovereign legal action of the people and their sovereign will to create the foundations of the future state system are evident. The founding act assumes a law-generating character, embodying the sovereign will of the people and establishing fundamental legal norms that serve as the basis for the entire legislative system and national law. This enables the conclusion that legal sovereignty as a social phenomenon is clearly demonstrated in the actions of the founding authorities. The author deduces the role of legislation in the formation of the legal system and the rule of law, which aims to harmonise social relations, ensure the observance of human and civil rights and freedoms, and embody the principle of justice.

Keywords:

founding power, legal sovereignty, Russian statehood, law, legal system, implementation act

For citation:

Podosinnikova L. A. Founding power in the context of shaping and safeguarding the internal legal sovereignty of the Russian Federation // *Vestnik of Saint Petersburg University of the MIA of Russia*. 2025. № 3 (107). P. 44–51.

The article was submitted June 19, 2025;
approved after reviewing August 28, 2025;
accepted for publication September 25, 2025.

Введение

В настоящей статье мы попытаемся проанализировать функциональную роль учредительной власти в формировании и защите внутреннего правового суверенитета Российской Федерации, и выявить закономерные связи между этим институтами.

Научной гипотезой статьи является предположение о том, что действие учредительной власти представляет собой акт реализации внутреннего правового суверенитета, в результате которого происходит учреждение (возникновение) государства или пересмотр основ его функционирования.

Новизна предлагаемого подхода заключается в рассмотрении учредительной власти не только как источника конституции, но и как конституирующего элемента самого внутреннего правового суверенитета. Традиционно суверенитет воспринимается как некий имманентный атрибут государства, существующий независимо от его конституционного устройства. Предлагаемая нами концепция подчеркивает производный характер суверенитета от учредительной власти народа. Именно народ, осуществляя учредительную власть, создает и легитимизирует государство и его правовой суверенитет. Данный тезис позволяет по-новому взглянуть на проблему ограничения суверенитета в условиях глобализации, подчеркивая право народа изменять и адаптировать суверенитет в соответствии с изменяющимися реалиями на основе традиционных ценностей.

Методы

Формально-логический и формально-догматический методы научного познания прежде всего позволяют обратиться к краткому рассмотрению основных теоретических положений современной юриспруденции относительно природы учредительной власти, а также отношения этого феномена к суверенитету государства. Герменевтический метод научного познания дает возможность интерпретировать роль учредительной власти в контексте формирования внутреннего правового суверенитета.

В частности, формально-догматический метод раскрыл взаимосвязь и иерархию основных категорий юриспруденции «учредительная власть» и «правовой суверенитет», которые находятся в сложноподчиненном состоянии. С одной стороны, категория «учредительная власть» отражает положение народного учредительства, описывает иерархию и значение власти и свое отношение к другим видам власти – «судебной», «законодательной» и др., а с другой, показывает связь с категорией «правовой суверенитет», которая описывает состояние независимости правовой системы, ее самобытности и ценностной идентичности.

Герменевтический метод позволил выявить диалогическое ядро дискуссии в отношении взглядов Карла Шмитта и Ганса Кельзена, предложивших разные подходы к пониманию гарантий конституционного строя и учредительной власти¹. В их полемике достаточно четко просматривается диалектическая связь между правовым суверенитетом и учредительной властью, которая, однако, слабо представлена в современной науке.

Результаты

Теория учредительной власти заняла видное место в теории права и науке конституционного права, обогатив научное понимание механизмов учреждения государства, формирования основ конституционного и государственного строя, а также их изменения в соответствии с трансформацией общественных отношений.

В дополнение к классической доктрине разделения государственной власти на три ветви (исполнительную, законодательную и судебную), учредительная власть расширяет научно-теоретическое представление о них. В теории права широко распространено мнение, что государственная власть может быть поделена на гораздо большее количество ветвей (так, С. А. Авакьян выделяет десять²), и теория учредительной власти позволила выделить еще одну, которая в некотором смысле является предшественницей (если не хронологически, то онтологически) всех остальных.

Действие учредительной власти – это первичное основание для формирования остальных ветвей власти и, следовательно, она обладает явными атрибутами суверенного правового воздействия. Именно через учредительную власть народ как носитель суверенитета реализует свою волю, устанавливая исходные принципы государственного строя.

Таким образом, учредительная власть выходит за пределы классической триады, ориентируясь на более широкий спектр функций власти в государстве. В юридической литературе учредительная власть наделяется особыми качествами, позволяющими отграничить ее от иных ветвей государственной власти.

М. П. Фомиченко отмечает, что учредительная власть функционирует в условиях отсутствия правовых ограничений, т. к. «нет ни одной правовой нормы, которая могла бы ограничить конституцию». Поэтому учредительная власть «стоит на более высокой ступени, чем учреждаемые ею конституционные органы» [1, с. 96], и выступает предшественницей иных ветвей власти.

Государственная власть принимает нормы права, определяющие основы конституционного строя, устанавливающие правовое положение субъектов права, включая себя самое. Но ее деятельность ограничена нормами права, а правовой суверенитет является производным от учредительной власти.

Достаточно распространено иное понимание учредительной власти, задающее конституционно-правовой ракурс рассмотрения ее как власти, обладающей правом и возможностью принимать конституционный акт, «учреждать те основы общественного и государственного устройства, которые выбирает для себя народ» [2, с. 17].

Можно констатировать, что учредительная власть, с одной стороны, отграничивается от иных форм власти в государстве (на этом настаивает В. В. Комарова, не распространяющая на учредительную власть действие теории разделения властей [3, с. 1381]), а, с другой – содержится в контексте конституционно-правового развития государства как факт инициации процесса конституционализации политической жизни общества.

Как часть общей теории права доктрина учредительной власти рассматривается в контексте развития теории народного суверенитета, поскольку учреждение государства, государственного строя квалифицируется как безусловное право народа, которое он может делегировать своим представителям. В праве на учреждение государства какому-либо иному субъекту обычно отказано, хотя, как мы установили, народ выражает свой внутренний правовой суверенитет через нормы права.

Отсюда вполне закономерна и ожидаема выявляемая в науке связь между народным суверенитетом и учредительной властью. Акт учреждения государства есть «суверенное действие народа, в рамках которого суверенитет транслируется от нации к учреждаемому государству, поскольку единственным источником выступает весь народ как субъект учредительной власти» [4, с. 62].

¹ См.: Уханов А. Д. Дискуссия Карла Шмитта и Ганса Кельзена: исторический опыт и современное значение : автореф. дис. ... канд. полит. наук. Москва, 2003. 182 с. ; Гаранов Е. Н. Государственно-правовая теория К. Шмитта : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2007. 26 с. ; Силантьев А. И. Ганс Кельзен и Карл Шмитт: две концепции государственной власти / Ломоносов-2017 : сборник трудов XXIV международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых, г. Москва, 10–14 апреля 2017 г. / отв. ред.: И. А. Алешковский, А. В. Андриянов, Е. А. Антипов. Москва : МАКС Пресс, 2017. С. 1–3 ; Кондуров В. Е. Основания действительности правопорядка и проблема юстициальности «политического»: К. Шмитт о границах юстиции // Труды Института государства и права РАН. 2018. Т. 13, № 5. С. 63–91 ; Уханов А. Д. Дискуссия Карла Шмитта и Ганса Кельзена о гаранте конституции в контексте конфликта политико-правовых учений // Вестник Московского государственного областного университета : [электронный журнал]. 2022. № 3. <https://doi.org/10.18384/2224-0209-2022-3-1125> ; Мусихин Г. И. Концептуальная неоднозначность понятия «суверенитет» (Сравнительный анализ взглядов Карла Шмитта и Ганса Кельзена) // Общественные науки и современность. 2009. № 3. С. 64–74 ; Уханов А. Д. Право в пространстве истины и политики: дескриптивизм и прескриптивизм в политико-правовых учениях Ганса Кельзена и Карла Шмитта // Вестник Московского Университета. Серия 12: Политические науки. 2022. № 1. С. 100–114.

² Авакьян С. А. Конституционное право России : учебный курс : учебное пособие : в 2 т. Москва : Юристъ, 2005. Т. 1. С. 356.

Теория учредительной власти проводит разграничение двух видов этой власти – собственно учредительной и установленной учрежденной, под которой понимается «постконституционная власть, которая создается конституцией для последующих ее изменений и дополнений, поскольку они неизбежны» [5, с. 50].

Собственно учредительная власть является первичной и фундаментальной, она представляет собой силу, посредством которой осуществляется первоначальное создание правовых и политических основ государственного строя. Эта власть обладает уникальной способностью актуализироваться исключительно в моменты исторической необходимости, когда назрела потребность в создании новой государственной формы организации политической жизни общества. Она осуществляется в моменты перехода и становления, и обеспечивает правовую легитимность государства, создавая первоначальные государственно-правовые нормы, в соответствии с которыми впоследствии строится вся система национального законодательства.

Создавая основополагающие правовые нормы государства, учредительная власть непосредственно определяет и конституирует его внутренний правовой суверенитет. Закладывая базовые принципы государственного устройства, она устанавливает рамки и пределы суверенитета, определяет его содержание и механизмы реализации. Именно акт осуществления учредительной власти, выраженный в принятии конституции или иного основополагающего акта, знаменует собой рождение внутреннего правового суверенитета государства, предоставляя ему исключительное право на создание и применение правовых норм на своей территории. Таким образом, учредительная власть выступает не просто источником конституции, но и первоисточником самого правового суверенитета.

На современном этапе развития имеет место трансформация содержания суверенитета. Она обусловлена изменением сущности современного государства, доминированием его общесоциальных начал, закономерно приводящих к появлению принципиально новых обязанностей перед обществом. Государство обладает не только суверенными правами, но и суверенными обязанностями по признанию, обеспечению и защите прав и свобод человека и гражданина. Оно несет ответственность за результаты своей деятельности, поскольку правовой суверенитет вторичен по отношению к учредительной власти.

В дальнейшем функции учредительной власти переходят к учрежденной власти, которая обеспечивает постоянность и непрерывность деятельности государства на основе заложенных конституционных норм. В результате учредительная власть является незримым, но необходимым элементом, призванным «соблюдать установленные формальные и материальные (если они есть) пределы изменения конституции, а по отношению к изменениям может осуществляться конституционный контроль» [6, с. 29].

Когда создается государство, первоначальная учредительная власть не связана существующими конституционными нормами и имеет полномочия на разработку и утверждение новой конституции, отражающей основополагающие принципы и нормы будущего государства. С течением времени и появлением новых социальных и политических вызовов на арену истории выходит постконституционная учредительная власть, которая действует в рамках установленных процедур изменения конституции и адаптирует основной закон к изменениям реальности.

Учредительная власть реализуется в системной совокупности суверенных прав, возникающих у уполномоченных лиц по части конституционно определенных объектов фундаментальных властеотношений. Поэтому государственное право следует рассматривать как суверенное право народа на суверенную государственную власть, суверенную государственность и суверенное государственно-правовое бытие в границах своей страны и в отношениях с внешним миром.

Институциональным проявлением учредительной власти обычно является конкретный орган – учредительное собрание (совещание, конвент и проч.), который правомочен выступать от имени народа и реализовывать его волю. Р. Ф. Бренсел отмечает ограниченность выражения народной воли через подобные учреждения, поскольку «народ не может явить через волеизъявление трансцендентную социальную цель своего коллективного существования, не будучи в то же время в корне детерминированным этой целью» [7, с. 17].

Связь между учредительной властью и внутренним правовым суверенитетом явственно проистекает из акта учреждения государства, поскольку в нем проявляется суверенное правовое действие народа, а также его суверенная воля, направленная на создание основ будущего государственного строя. Учредительный акт приобретает правогенерирующий характер, поскольку в нем воплощается суверенная воля народа, создающая базовые правовые нормы, являющиеся фундаментом для всей системы законодательства и национально-го права. Это дает возможность констатировать, что в действиях учредительной власти отчетливым образом проявляется правовой суверенитет как феномен социальной жизни.

Взаимосвязь между учредительной властью и суверенитетом проявляется также в способности учредительной власти разрабатывать правовые нормы, которые будут определять способы и формы реализации правового суверенитета. Кроме того, учредительная власть должна восприниматься как суверенная сама по себе, поскольку ее мощный потенциал должен задействоваться в тех случаях, когда «требуется акт реализации учредительной власти народа для принятия наиболее значимых решений, носящих, по сути, конституирующий, во многом судьбоносный характер» [8, с. 90].

Суверенитет государства в значительной мере зависит также от способности учредительной власти заложить основы политической системы, которая в состоянии адаптироваться в ответ на внутренние и внешние вызовы. Классическим примером жизнеспособности внутреннего правового суверенитета как источника политической и правовой воли государства по преодолению исторических вызовов является модель реагирования государственного механизма на кризисные политические ситуации.

Концепция делегирования власти народом неразрывно связана с демократией как основой суверенного правового развития и правосознания современного народовластия, в рамках которого граждане осознают свою ответственность за качество принимаемых решений и последствия их реализации. Народовластие в этом смысле должно выступать не как периодическая реализация формально закрепленного права на участие в управлении делами государства (включая референдумы и избирательные полномочия), но как деятельное участие граждан в ответственном конструктивном диалоге с системой публичной власти, основанное на консолидации усилий. Учредительная власть есть институт, способствующий формированию внутреннего правового суверенитета, как решающий фактор становления государственности.

Обсуждение

Для понимания места теории внутреннего правового суверенитета в этом процессе целесообразно обратиться к теоретической полемике между известными немецкими правоведами Карлом Шмиттом и Хансом Кельзеном, которые предложили разные подходы к пониманию гарантий конституционного строя. В их полемике четко просматривается диалектическая связь между правовым суверенитетом и учредительной властью.

К. Шмитт, известный представитель децизионизма (учения о решении), утверждал, что суверенитет проявляется через способность принимать решения, выходящие за рамки действующего правопорядка, что связано с непосредственным использованием учредительной власти как первоисточника любого государственного строя. Это положение позволяет правовому суверенитету действовать вне формальных структур, будучи инструментом защиты политической и правовой идентичности государства. Идеи Шмитта продиктованы в значительной степени характером тех аспектов полемики, что возникали в интеллектуальных кругах Германии в части вопроса о гаранте конституции. Под ним подразумевался орган, который «сумел бы прекратить политический кризис и обеспечить государственно-правовую целостность при сохранении действующей конституции»³.

Его оппонентом стал другой известный правовед, Г. Кельзен, основоположник чистого учения о праве, который считал, что необходимо минимизировать вмешательство субъективных решений в правовую систему, сосредоточившись на идее о том, что нормы становятся основой для любой правовой деятельности. Его подход базировался на идее: правовой суверенитет должен быть институализирован в рамках строгого порядка норм, где учредительная власть понимается скорее как точка отсчета в цепи норм, нежели активный субъект изменений. Если законодатель лишь связан конституцией в том, что касается процедуры, то «деятельность негативного законодателя (конституционного суда), напротив, абсолютно определена конституцией» [9; 10].

Юридический нормативизм Кельзена стал примером очищения правовой действительности от неправовых компонентов, в т. ч. политических влияний. И если Кельзен считал это очищение необходимым, то Шмитт ратовал за «обязательное включение всех моральных, идеологических, исторических и политических категорий в теорию права с целью максимального приближения последней к политико-правовой реальности сего дня» [11, с. 118].

Различия в методологических установках обуславливают противоречия в понимании роли учредительной власти – в частности, в контексте разрешения вопроса о конституционном гарантировании. Шмитт и Кельзен заняли полярные позиции, и первый видит в учредительной власти источник активных изменений, а второй стремится к ее интеграции в нормативный порядок на правах структурного элемента.

Для него вопрос конституционного гарантирования был, прежде всего, вопросом политической легитимности, от недостатка которой страдал государственный механизм Германии. Центральная идея децизионизма провозглашала тезис: «Суверенен тот, кто принимает решение о чрезвычайном положении» [12, с. 8].

Важным аспектом здесь является вопрос, кто именно обладает полномочиями принимать окончательные решения в сложных ситуациях, когда конституционный строй поставлен под угрозу продолжающимся политическим кризисом. К. Шмитт подчеркивал важность наличия политической инстанции, обладающей суверенитетом для принятия решительных мер в экстремальных ситуациях. Только это создает необходимые гарантии конституционного строя. Он акцентирует внимание на суверенности как на способности принимать исключительные решения в кризисных ситуациях, когда гарантии конституционного строя становятся критически важными. В его понимании учредительная власть – это основополагающая сила, определяющая политическое и правовое устройство, ее поддержание и защита напрямую связаны с понятием суверенитета.

³ Уханов А. Д. Дискуссия Карла Шмитта и Ханса Кельзена о гаранте конституции в контексте конфликта политико-правовых учений // Вестник Московского государственного областного университета : [электронный журнал]. 2022. № 3. <https://doi.org/10.18384/2224-0209-2022-3-1125>

Гарантии конституционного строя у Шмитта рассматриваются как механизмы, позволяющие учредительной власти сохранять свою легитимность и защищать правопорядок, поэтому важно «настаивать на суверенности внепартийного президента – нейтральной власти, которая гарантировала бы действенность конституции» [13, с. 158].

Ганс Кельзен предлагает иную интерпретацию роли учредительной власти и гарантий конституционного строя. Он, будучи основоположником теории чистого учения о праве, рассматривает нормативный порядок как систему норм, где каждая норма обретает легитимность благодаря иерархической структуре. Учредительная власть в его понимании ограничена рамками действующего порядка и должна соответствовать установленным процедурам. Но затея К. Шмитта с выделением «легитимности» как «критерия правомерности существующего правопорядка приводит только к удвоению понятий» [14, с. 9].

По Кельзену, учредительная власть и производимое ей суверенное действие не должны находиться в руках одного человека. Вместо этого структура правовой системы должна обеспечивать решение конфликтов через механизмы конституционного правосудия. Конституционный суд, согласно Кельзену, должен играть центральную роль в обеспечении гарантии конституционного строя, выступая безличным арбитром в государственном механизме, негативным законодателем, обладающим правом отменять принятые парламентом законы.

Аргументация Г. Кельзена строится по преимуществу на делегировании конституционному суду качеств суверенного деятеля, поскольку он независим и никому не подчинен, то есть обладает реальной возможностью «проверить акт и, по итогам такой проверки, его отменить» [15, с. 89].

Таким образом, различия в подходах Шмитта и Кельзена к вопросу учредительной власти и гарантий конституционного строя демонстрируют глубокие противоречия в понимании природы нормативного порядка и суверенного правового воздействия. В то время как Шмитт видит в суверенитете концентрированное выражение политической воли, способное выходить за пределы обычного правопорядка, Кельзен считает, что нормативный порядок сам по себе должен обладать механизмами самоохранения. Карл Шмитт подчеркивает чрезвычайный характер конституционного гарантирования, связывая это с учредительной властью, которая инициирует соответствующие процедуры в моменты кризиса. По его мнению, кризисные ситуации выявляют необходимость в гарантиях, которые должны поддерживать устойчивость государства в исключительных условиях. Таким образом, конституционные гарантии в понимании Шмитта приобретают временный характер.

Сравнение подходов Шмитта и Кельзена иллюстрирует различие в восприятии роли учредительной власти и природы гарантий конституционного строя. Шмитт акцентирует внимание на ситуативных мерах, необходимых для предотвращения разрушения правопорядка в период кризиса, тогда как Кельзен видит в постоянных гарантиях основу стабильного и устойчивого развития правовой системы.

К. Шмитт подчеркивал значимость единого (единоличного) суверенного органа для гарантирования конституции, который может выступать в качестве учредительной власти. Для Шмитта суверенитет был прежде всего вопросом власти – силы, которая стоит выше нормы и может действовать за пределами юридических установлений.

Для Кельзена на первом месте стояло право, и он рассматривал учредительную власть как часть общей правовой иерархии.

Для теории государства и права принятие таких методологических установок имело вполне определенные последствия. Общее стремление к устранению излишнего неэмпирического содержания в юридическом позитивизме приводит к сведению права исключительно к нормам позитивного права, т. е. права формализованного государства. Позитивным правом признается лишь то, что «в данное время и в данном месте имеет законную силу – законодательство, формально санкционированные официальными властями или фактические акцептируемые ими обычаи, прецеденты и т. д.» [16, с. 149–150].

Для такого подхода характерен отказ от рассмотрения вопросов, связанных с соотношением права и справедливости, и прочих умозрительных проблем. Юридический позитивизм фактически отходит от вопроса о сущности права, заменяя его обширным проблемным полем вопросов о существовании права. Понимание природы государства как правового института в юридическом позитивизме, опирающемся на формально-догматический метод исследования, сводится к тому, что государство рассматривается «как корпорация, как особое юридическое лицо, как субъект правопонимания» [17, с. 33].

Последовательно отказываясь от умозрительных абстракций в области теории государства и права, юридический позитивизм не видит возможности считать носителем суверенитета народ, поскольку народ представляет собой неопределенное понятие. Государство же, рассматриваемое как корпорация или юридическое лицо, является в этом отношении тем конкретным феноменом, который только и может выступать в роли носителя суверенитета.

В рамках анализа российского внутреннего правового суверенитета это противостояние позволяет глубже понять роль учредительной власти в формировании и изменении Конституции. Учредительная власть в России была актуализирована в момент разработки и принятия конституционного акта, и впоследствии

проявлялась в моменты внесения в него изменений. В период с 2008 по 2020 год Конституция Российской Федерации⁴ претерпела ряд изменений; наиболее значительными стали поправки 2020 года.

Их можно рассматривать как пример функционирования установленной учредительной власти (постконституционной власти). Они касались различных аспектов публичного управления, включая перераспределение полномочий между ветвями власти и уточнение прав и обязанностей граждан. В юридической литературе часто подчеркивается, что конституционные поправки 2020 года в значительной мере способствовали укреплению правового суверенитета России [18].

В частности, новеллы конституционного законодательства (поправки и связанные с ними изменения в конституционном законодательстве) не только закрепили приоритетное значение Конституции Российской Федерации как основного закона страны, но и утвердили доктрину, согласно которой нормы Конституции Российской Федерации имеют преимущественную силу над решениями международных организаций и судов.

Поправки 2020 года представляют собой стратегический шаг в развитии российской правовой системы. Утверждая приоритет Конституции Российской Федерации над решениями международных организаций и судов, данные изменения задают новый вектор взаимодействия национального права с международным правом и становятся ярким примером укрепления правового суверенитета.

В условиях нарастающего давления внешних идеологических течений, государства, стремящиеся сохранить традиционные ценности, вынуждены находить способы для их законодательного закрепления.

При этом названный инструмент вовсе не предназначен для чрезмерно частого использования при решении государственно важных вопросов. Его потенциал должен задействоваться на государственном уровне в тех случаях, когда требуется акт реализации учредительной власти народа для принятия наиболее значимых решений.

Механизм правового обеспечения составляют гарантии обеспечения и инструменты правовой охраны и правовой защиты (средства обеспечения). Н. В. Витрук отмечает, что гарантии «направлены на обеспечение непосредственной реализации и защиты юридических прав, обязанностей и законных интересов личности» [19, с. 12]. А. В. Малько и В. В. Субочев относят к гарантиям «все те условия, которые, так или иначе, обеспечивают реализацию законных интересов, каким-либо образом способствуют ей» [20, с. 141].

В этом контексте правовое обеспечение становится механизмом, благодаря которому оказывается возможной реализация какого-либо правового явления. Конечно, применение механизма правового обеспечения прав и свобод личности по отношению к правовому обеспечению традиционных ценностей возможно лишь по аналогии, т. к. традиционные ценности не являются предметом правопритязания. Однако без правового обеспечения они оказываются лишь «провозглашенными, но юридически необеспеченными» [21, с. 12].

Концепция делегирования власти народом неразрывно связана с демократией как основой суверенного правового развития и правосознания современного народовластия, в рамках которого граждане осознают свою ответственность за качество принимаемых решений и последствия их реализации. Народовластие в этом смысле должно выступать не как периодическая реализация формально закрепленного права на участие в управлении делами государства (включая референдумы и избирательные полномочия), но как деятельное участие граждан в ответственном конструктивном диалоге с системой публичной власти, основанное на консолидации усилий.

Очевидно, что смысл внутреннего правового суверенитета обнаруживается в юридической институализации участия народа в реализации своей воли (по установлениям конституции). Такое понимание суверенитета находит подтверждение в современных конституциях, которые обычно устанавливают верховенство народа и объявляют его волю основой конституционного устройства общества.

3 заключение

Таким образом, сформированная концепция учредительной власти представляет собой значительный пласт научного знания в теории права и конституционном праве, при том что ее прямая связь с внутренним правовым суверенитетом разработана весьма слабо. В основном ее рассматривают как первопричину формирования государственности и конституции, но редко как первопричину правового суверенитета. В последнее время это подтверждается и рядом решений Конституционного Суда Российской Федерации. Между тем учредительное действие как политический и юридический факт, предшествующий моменту возникновения (учреждения) государства, обладает всеми чертами суверенного решения, принимающего надлежащую юридическую форму. Рассмотрение вопроса о значении учредительной власти для формирования и защиты внутреннего правового суверенитета содержит значительный научно-теоретический потенциал, позволяющий взглянуть на традиционный круг проблем и в ретроспекции, и в перспективе.

⁴ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. 2020. 4 июля.

Список источников

1. Фомиченко М. П. Учредительная власть: понятие, разновидности // Правовая культура. 2011. № 2 (11). С. 96–97.
2. Балагурова Н. Н. Учредительная власть: понятие и способы ее реализации // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 7 (145). С. 14–19.
3. Комарова В. В. Учредительная власть и основной закон // Lex Russica (Русский закон). 2013. Т. 95, № 12. С. 1374–1382.
4. Мирошник С. В. К вопросу о государственном суверенитете // Северо-Кавказский юридический вестник. 2020. № 2. С. 62–67. <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2020-1-2-62-67>
5. Лихачев К. С. Учредительная власть: понятие, виды и современное воплощение // Вестник Московского университета МВД России. 2012. № 10. С. 48–50.
6. Шустров Д. Г. Конституция и учредительная власть: проблема ограничения // Конституционное и муниципальное право. 2022. № 2. С. 29–39. <https://doi.org/10.18572/1812-3767-2022-2-29-39>
7. Bensel R. F. The Founding of Modern States. UK : Cambridge University Press, 2022. 508 p. <https://doi.org/10.1017/9781009247245>
8. Головин А. Г. О сущности права на участие в референдуме в контексте делегирования власти народом // Актуальные проблемы российского права. 2022. Т. 17. № 10 (143). С. 90–101. <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2022.143.10.090-101>
9. Кельзен Г. Судебная гарантия конституции (Конституционная юстиция. Часть 1) // Право и политика : [сетевое издание]. 2006. № 8. URL: https://nbpublish.com/lpmag/contents_2006_8.html#50010.
10. Кельзен Г. Судебная гарантия конституции (Конституционная юстиция. Часть 2. Окончание) // Право и политика : [сетевое издание]. 2006. № 9. URL: https://www.nbpublish.com/library_read_article.php?id=4023
11. Антонов М. В. Легитимность, признание, действительность и отмена правовых норм в юридическом словоупотреблении // Российский журнал правовых исследований. 2018. Т. 5, № 2 (15). С. 118–124.
12. Шмитт К. Политическая теология. Сборник // пер. с нем., заключ. и сост. А. Филиппова. Москва : КАНОН-пресс-Ц, 2000. 336 с.
13. Назмудинов Б. В. От «нормы» к «порядку»: эволюция правопонимания Карла Шмита // Правоведение. 2016. № 1 (324). С. 150–165.
14. Антонов Б. А. Об особенностях толкования нормативизма с позиции Карла Шмита: заметки на полях // Пролог: журнал о праве. 2023. № 3 (39). С. 7–17. <https://doi.org/10.21639/2313-6715.2023.3.1>
15. Котов О. Ю. Нормативистская теория Ганса Кельзена как основа для понимания правовой природы актов конституционного суда // Lex Russica. 2021. Т. 74, № 8. С. 89–98. <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2021.177.8.089-098>
16. Право и закон в теории юридического позитивизма / Артамонова Г. К., Горбашев В. В., Ильичев В. В., Минаков И. А. [и др.] // Юридическая наука: история и современность. 2012. № 1. С. 148–152.
17. Корнев В. Н., Ломтев С. П. Понятие государства в контексте основных типов правопонимания // Российское правосудие. 2012. № 8 (76). С. 32–41.
18. Мазаев В. Д. Поиск новых смыслов продолжается (по внесенным поправкам к Конституции РФ) // Lex Russica. 2021. Т. 74, № 7. С. 15–31. <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2021.176.7.015-031>
19. Витрук Н. В. О категориях правового положения личности в социалистическом обществе // Советское государство и право. 1974. № 12. С. 11–19.
20. Малько А. В., Субочев В. В. Гарантии осуществления законных интересов // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2007. № 6 (275). С. 138–148.
21. Черданцев А. Ф., Гунин Д. И. Интересы законные, противозаконные и незаконные // Российское правосудие. 2013. № 7. С. 12–21.